

ПЕРВЫЕ ВЫСТУПЛЕНИЯ М. ГОРЬКОГО КАК БЕЛЛЕТРИСТА.

Это было в 1893 году... В литературном отделе газеты «Волгарь», ставшей по тому времени большим распространением, помещались, наряду с трудами научных работников по истории края, этнографии, естествознанию, статистике и по общественным вопросам Поволжья, также произведения писателей беллетристов, приобретших популярность, и, кроме того, стихотворения, очерки и рассказы молодых, начинающих литераторов.

Газеты того времени были для начинающих писателей первым этапом выступлений в литературе. Укрепившись здесь, они переходили отсюда в специальные журналы, или же, получив достаточно широкую популярность в читающей публике и ценность, считавшуюся книгоиздателями, вызывали к себе их внимание и обращение. Многие писатели конца XIX и начала XX века начали свою карьеру таким образом, и в том числе Максим Горький.

В истории выступления Горького в поволжской периодической печати, как вообще и в дальнейшей затем судьбе писателя-нижегородца — весьма важную роль исполнил нижегородский староскил Александр Иванович Ланца, которому посвящено несколько знаменательных строк в автобиографии начинающегося писателя, известного по всему миру по произведениям, читаемым на всех европейских языках.

«Влияние его на мое образование, — говорит Горький, — было неизмеримо громадно. Это высокообразованный и благородный человек, коему я обязан больше всех»).

В 1893 году по литературному процессу, возбужденному против меня, как редактора «Волгаря», тремя связанными врачами, Ланца должен был выступить в московской судебной палате. И я занял в нем, как к своему верному, чтобы поговорить по этому и другому, только что возникшему делу. Было это осенью, в середине ноября.

А. И. — ич, изысканно-привлекательный, задумчивый и самоотверженный, всегда и всем интересующийся, мгновенно о первых же слов заговорить о злободневных вопросах, куда как бы проверяя свои взгляды, чаще — с явной целью высказать свое определенное мнение. На этот раз мне прошло некоторое время в покоем разговоре, прежде чем началась наша деловая беседа...

Она была на исходе, когда вошел с талом молодой человек, высокий, уловатый, смуглый, с крупными чертами лица, с выражением не то гордыни, не то неудовольствия в его темных глазах. Вся его внешность, — от движений, складки костюма, — была так резко контрастна красивой, плавно подвинутой фигуре поэта, того типичного барина, каким черкал Ланца в своей бархатной по тузюрье, с позлыми, выхваченными руками, с барской повадкой, — и в большом кожаном стуле за своим письменным столом, на котором впервые видел вошедшего в кабинет молодого человека, догадался, что это Ланца. — по тому кокому разговору, который был у Ланца с ним, и по его уходу спросил, как звали убого, откуда такой взялся. Пошло, как Александр Иванович, но обидевшись за своего любимца, это последнее сейчас же стало яснее жаром заговорил об Алексее Саввиче Пешкове, и так ярко, так живо обрисовал внутренний мир этого человека, его сильную, бодрую одаренную натуру и «мягкую» душу в нем, что сразу возбудил во мне глубокую симпатию к нему. Кон-

На автобиографии М. Горького, «Семья», 1899 г., № 36.

чилось тем, что я сам предложил Ланцу, если у молодого человека найдется что-нибудь приемлемое для печати, — направить его в редакцию.

Приходилось последить в редакции за рукописью Пешкова, чтобы у моего помощника по просмотру рукописей она не «залежалась» или не была бы исчеркана вдоль и поперек, без надобности, в кажущихся слабых местах... Ал. М. Пешков принес несколько рукописей. Это была серия мелких рассказов, талантливо написанных, содержательных и интересных. Из них: «Ниченка», «Сон Коли» и «Убежал» напечатаны в «Волгаре» в течение ноября и декабря 1893 года, под общим оглавлением: «Маленькие истории», в 10-ти номерах газеты. Между «Ниченкой» и следующими двумя рассказами пришлось сделать в ноябре большой перерыв, чтобы провести очерк Евгения Ралина (Чирикова) «Последняя весна». Таким образом, на исходе 1893 года в поволжской газете

своем первоначальном выступлении в литературе:

— «Легкость, с которою провинциальные газеты печатают произведения «начинающих», поистине изумительна, и я полагаю, что она должна свидетельствовать или о крайней доброте редакторов или же о полном отсутствии у них литературного чувства»).

Трудно было разобраться, — к кому относилось это откровение... Приходилось кому-то его подучать, но кому?.. Тем ли, кто, «не обладая литературным чутьем», находил произведения Горького талантливыми и охотно пропускал их к печатному станку, или же тем, кто был к ним равнодушен, прислушиваясь с чужого голоса к ходившему «особому» мнению о Горьком и его творчестве? (Над этим мнением смеялись, в шутку производя его от «собой»)... Так и не могли разобраться, кто и в чем виноват... Представляют собою драгоценный

отделенное представление о том, какая судьба ждет талантливого, но «неуравновешенного» заморodka. Мало того, один весьма итерный и опытный литератор из круга нижегородских покровителей рыского, запрошенный по деловому поводу о молодом дебютанте, имел щедрость дать о нем такой письменный отзыв:

— «Человек с талантом, хотя, несомненно, что ничего ценного из него никогда не выйдет»).

Горький должен был по почувствовать неискренность отзывов в кругу некоторых лиц, встречных им на своем пути. Для них был приятен и даже опасен своей близости большой человек, богато и разнообразно одаренный природой — для исключительной, влиятельной и увлекательной в жизни современного им общества. На поверхности интеллигентного общества, где отводил себе место ятели литературы, была нездоровая, свинцовая атмосфера. У интеллигентного

среды, заставляя его опомниться, глубже, внимательнее присмотреться к людям... И он, хотя с некоторым запозданием, определяет себе лично поведение в происходящей вокруг него путанице...

Он сближается с молодыми писателями: Н. Д. Телешевым, И. А. Буниным, Е. П. Чириковым, В. В. Смиловичем (Вересаевым), И. А. Белоусовым, Л. Н. Андреевым и другими, становится деятельным соучастником Телешева в образовании литературного кружка поэтов и беллетристов в Москве. В этом кружке члены его собираются по средам у Телешева для чтения крупных своих произведений прежде появления их в печати и для обсуждения вопросов, связанных с своей деятельностью. Кружок получает наименование «Среды». Тут Горький окончательно выходит из-под нижегородского влияния.

Расхождение Горького с интеллигенцией, вернее, с той ее самодовольной частью, которая претендовала на доминирующую роль и влияние в культурной жизни народа, — появилось в самом начале его выступления в литературе. Поскольку «братья-писатели», с развитием политических событий в стране, естественно вовлекались в политику, — Горький отчетливо видел ту жалкую роль, на которую они себя обрекали, и решительнее уходил к радикальной части интеллигенции.

В идеологии двух лагерей образовался полнейший раскол. И тот самый Горький, над которым нависла легкая тень предвзятое предопределение его личности, сделанное отсталой интеллигенцией, — тот самый Горький (взгляд 1908 году) сокрушительный притор над ней самой. С беспощаднойкровенностью выявил он отрицательное качество интеллигенции, мешающее ей занять командные высоты в революционном движении, охватывавшем страну.

Горький оказался на другой, противоположной стороне пропасти, отделившей интеллигенцию от грядущего нового мира. Переход с одного этапа на другой — к ключевой политической роли, которую Горький занял в революции, с сжигал свои старые корабли...

Презрение связи с Нижним у Горького порвались. Сталося немного друзей, доживавших свое время в стороне от борьбы за новую жизнь. Ланца умер в 1906 г. (29 декабря). За два года до смерти у него нарушилась связь с Горьким.

Но тот, кто бы обязал Ланцу «больше всех», — оказался верен своему старому другу. Инуская в 1923 г. за границей, в последней редакции, полное собрание всех произведений, Максим Горький посвятил первый их том памяти Александра Ивановича Ланца.

В этом томе тем подобны рассказы, отсылающие к ранней творческой, взятые из жизни верности и в большей своей части впервые появившиеся в Поволжской печати.

Ж — в.

Горький за работой в Н.-Новгороде.

выступали одновременно два писателя-беллетриста, хотя при различных для каждого обстоятельствах: Пешков — начинал свою работу в поволжской печати, а Чириков, как беллетрист, ее окончил. В том году он стал печататься в «Русском Богатстве», издаваемом Е. М. Гаршиным»).

В феврале следующего 1894 года прошел более крупный рассказ Горького «Дед Архим и Ленка», а 8-го апреля того года началась печатание его повесть «Горемыка Павел». Она шла в продолжение трех месяцев, в 25 номерах, с обычными промежутками, чередуясь с произведениями других авторов, и закончилась в июле.

С весны 1894 г. начали появляться рассказы Горького в «Волжском Вестнике»; на протяжении остальной части этого года и последующего они печатались в поволжских газетах в Казани, Самаре, Саратове и в «Русских Ведомостях».

Скоро стали первые «откровения» писателя на головы редакторов провинциальных газет... Горький писал о

*) Оба писателя оказались впоследствии близкими по духу и солидарными во взглядах по некоторым кардинальным вопросам русской жизни, например, по вопросу о русской интеллигенции. У Чирикова (в его «Инвалидах», «В отставку») она представлена, как бездомная, безродная, беспочвенная не имеющая сил для активного вмешательства в судьбы истории, обрекая себя на погибель. С. Ж.

научный материал критический разбор горьковских произведений и построены на нем замечания о новом крупном писателе, сделанные в свое время с публичной кафедры историко-литературной, приват-доцентом петербургского университета С. А. Венгеровым. Для него и для многих знатоков литературы в России и за границей была предметом искреннего восхищения огромная творческая сила, которая стала для всех очевидной в ярко определеннейшем таланте Горького. Между тем, в это время люди, окружавшие Горького в Нижнем, аттестовали его, как обыкновенную посредственность.

Оторченный историк отметил эту странность... Он пишет:

— «Никому из покровителей Горького не приходило в голову и самое

*) Из автобиографии Горького, ст. С. А. Венгерова, «Русская Литература XX века», 1914 г., т. I.

общества не было определенного лица. Это был Лигус-многоязыкий. Новый принцип, подвигавший из самых недр земли, ни в какой стороне не подходил к этому обществу. Он говорил на непонятном для него языке о исполненных ведах. И вот, около Горького сознательно или бессознательно разыгрывается добротная комедия с целью укрепления влияния над ним. Молодой писатель, обладающий всеми достоинствами художника-беллетриста и всеми недостатками юности, впервые вступающего в свет, — делает под этим влиянием ошибочное отступление в сторону публицистики, где явно для самого себя попадает в смешное положение. Однако, бесчисленные эксперименты, производимые над молодым, начинающим писателем в литератур-

*) «Максим Горький», ст. С. А. Венгерова, «Русская Литература XX века», изд. 1914 г., т. I, стр. 190.

*) «О цинизме», ст. М. Горького. Сборник «Литературный Распад», 1908 г., т. I.